

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МАОИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Е. Ф. Ковалев

С конца 50-х годов и особенно в период «культурной революции» (1966—1969), когда Мао Цзэ-дун и его сторонники начали открытое и развернутое наступление на марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм, маоистская историография усилила пропаганду культа «великого кормчего», его роли и места в истории коммунистического движения Китая. Потеряв всякое чувство меры, маоисты заявляют, что еще до 1949 г. «идеи Мао Цзэ-дуна» были «новым этапом» и «вершиной» научного социализма, определяли судьбу революционного движения в стране. Гипертрофируя значение «идей Мао Цзэ-дуна» и практическую деятельность их творца, маоистская историография заслоняет фигурой «наикраснейшего» весь объективный ход коммунистического движения Китая.

Современные идеологи антикоммунизма охотно берут на свое вооружение маоистскую историографию. Особенно их привлекает ее ревизионистская националистическая направленность. Буржуазные апологеты видят в «идеях Мао Цзэ-дуна» своего союзника по подрыву международного характера научного коммунизма и оправданию теории «множественности моделей социализма». Они изображают маоизм как «творческое» развитие марксизма, не скупятся на похвалы «китайской модели социализма», одобряют великодержавно-шовинистический курс маоистов¹.

Маоистские и буржуазные историки, тенденциозно трактующие прошлое и настоящее коммунистической партии и китайского народа в свете «идей Мао Цзэ-дуна», ставят знак равенства между идейно-политической платформой маоизма и интересами КПК и народов Китая. Но подлинные интересы коммунистической партии и китайского народа — это не «идеи Мао Цзэ-дуна». Маоизм как идейно-политическое течение всегда был нужд надеждам и чаяниям китайского народа и КПК.

Исторический опыт свидетельствует, что оппортунисты, как правило, отбрасывают главное в марксизме-ленинизме — учение об освободительной миссии пролетариата, руководящей и направляющей роли рабочего класса и его партии в переустройстве общества, прикрывая свое отступничество псевдореволюционной фразой. Примером в этом отношении служит теоретическая и практическая деятельность маоистов.

Мао Цзэ-дун пришел в ряды коммунистического движения Китая, не порвав с феодально-схоластическим мировоззрением, привитым ему в зажиточной крестьянской семье и школе, и с мелкобуржуазными представлениями, почерпнутыми из случайно прочитанных им сочинений западных социологов. Рыхлость, незрелость, эклектизм и как следствие

¹ См. например, *Mao Tse-tung. Textes traduits et présentés par Stuart Schram*. P. 1963; «Political Thought of Mao Tse-tung. N. Y. 1963; то же в изд. «Penguin Books». L. 1969; R. G a r a u d y. *Le grand tournant du socialisme*. P. 1969; J. E. R u e. *Mao Tse-tung in Opposition. 1927—1935*. Stanford. 1966.

этого идеологическая неустойчивость были характерными чертами его мировоззрения. По собственному признанию Мао Цзэ-дуна, в период обучения в Хунаньском провинциальном педагогическом училище в 1912—1918 гг. в голове у него была «мешанина» из «идей либерализма, демократического реформизма и утопического социализма»². Но уже в этой «мешанине» можно обнаружить наметки будущих политических доктрин. В своей первой статье, «Изучение физической культуры», опубликованной за год до окончания училища в журнале «Синь циннянь», Мао Цзэ-дун довольно отчетливо набросал контуры ставших для него типичными в дальнейшем милитаристских, националистических идей «спасения нации» путем воспитания подрастающего поколения в «военном духе» и в духе культа «сильной личности»³. В 1919 г., находясь в Пекине, он, по его заявлению, испытал на себе «большое влияние» анархистских идей⁴. В том же году в трех номерах хунаньской газеты «Сянцзян пинлунь» он опубликовал статью «Великий союз народных масс»⁵, в которой формулировал свое понимание классов и классовой борьбы. Образование классов он объяснял тогда отсутствием денег у трудящихся, «вследствие чего появились классы бедняков и богатых»⁶.

По свидетельству Мао Цзэ-дуна, его знакомство с марксистской литературой относится к началу 1920 года⁷. Несмотря на это, он все же заявил Э. Сноу: «К лету 1920 г. в теории и в некотором отношении в действии я стал марксистом, и с этого времени я считаю себя марксистом»⁸. Однако факты из истории китайской революции опровергают это претенциозное заявление и убеждают в том, что Мао Цзэ-дун продолжал оставаться мелкобуржуазным революционером с широкой амплитудой колебаний в политике вправо и «влево» и националистической ограниченностью его мировоззрения. Мао Цзэ-дун представлял антимарксистскую, мелкобуржуазную, националистическую линию, активно выступал против пролетарско-интернационалистской линии в коммунистическом и рабочем движении Китая.

Не претендуя на полноту освещения темы, автор данной статьи пытается проследить развитие ревизионистских и националистических взглядов Мао Цзэ-дуна на роль рабочего класса и его партии в переустройстве общества преимущественно до победы народной революции в Китае.

Огромное значение для разработки научной стратегии и тактики зарождавшегося в странах Востока под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции коммунистического и рабочего движения имели работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (апрель—май 1920 г.) и его выступление по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна (лето 1920 г.). Предвидя, что на коммунистическое и рабочее движение в аграрно-крестьянских странах Востока будет оказывать влияние мелкобуржуазная стихия,

² E. Snow. Red Star over China. L. 1937, p. 146. В 1936 г. американский журналист Э. Сноу встретился в г. Баоань (Сев. Шэньси), где в то время находилось руководство КПК, с Мао Цзэ-дуном. Со слов последнего Э. Сноу записал его автобиографию, отредактированную самим Мао Цзэ-дуном и вошедшую в книгу Э. Сноу «Красная звезда над Китаем». Мао Цзэ-дун дал высокую оценку этой книге, назвав ее «правдивой... правильно излагающей политику партии и его (Мао Цзэ-дуна.— Е. К.) собственные взгляды» (E. Snow. Random Notes on Red China. Cambridge (Mass.), 1957, pp. 20—22, 73).

³ См. статью, напечатанную под псевдонимом Эршипа Хуашэн в журнале «Синь циннянь», 1917, т. 3, № 2, стр. 1—11 (на кит. яз.).

⁴ E. Snow. Red Star over China, p. 149.

⁵ «Сянцзян пинлунь», 2 и 28. VII, 4. VIII. 1919. См. «Справочные материалы по истории Коммунистической партии Китая. Высшая партийная школа при ЦК КПК». Вып. 1. Пекин. 1957, стр. 48—59 (на кит. яз.).

⁶ «Сянцзян пинлунь», 21.VII.1919.

⁷ E. Snow. Red Star over China, pp. 152—153.

⁸ Ibid., p. 153.

В. И. Ленин ставил перед коммунистами этих стран в качестве главного условия успешного развития революции задачу — решительно отменяя догматизм и сектантство, бескомпромиссно вести борьбу за гегемонию пролетариата в национально-освободительном движении, за пролетарский интернационализм, за тесную связь с мировым коммунистическим и рабочим движением и его передовым отрядом — РКП(б). Без ориентации на гегемонию пролетариата и пролетарский интернационализм нельзя определить правильную стратегию и тактику революционной борьбы. Это положение имело особенно важное значение для Коммунистической партии Китая, образовавшейся в 1921 году. Однако эта партия не имела опыта, подготовленных кадров, не успела еще укрепить связи с рабочим классом. Эти трудности усугублялись и объективными условиями: преобладанием в стране крестьянского населения (более 300 млн.) и малочисленностью пролетариата (около 2 млн.) Профсоюзное движение в Китае находилось в зачаточном состоянии. Крестьянское движение носило стихийный характер. Выходцы из мелкобуржуазной среды составляли большинство членов партии, которой угрожала опасность проникновения в ее ряды антипролетарской идеологии, национализма, догматизма, сектантства.

Одна из проблем, стоявшая перед партией с момента ее возникновения, заключалась в том, чтобы найти союзников по антиимпериалистической и антифеодальной борьбе, в частности установить единый фронт с гоминьданом⁹, который в то время представлял собой массовую национально-революционную партию и руководствовался популярными в народе антиимпериалистическими и антифеодальными лозунгами Сунь Ят-сена. Однако рекомендация Коминтерна образовать блок двух партий при условии сохранения политической и организационной самостоятельности пролетариата и его партии встретила противодействие со стороны лидера партии Чэнь Ду-сю и представителей актива КПК, в том числе и Мао Цзэ-дуна. Хотя в период подготовки к III съезду КПК (1923 г.) руководящие кадры партии, за небольшим исключением, не возражали против тактики единого фронта, все же, когда речь шла о форме реализации этой тактики, а именно о вступлении коммунистов в гоминьдан, они сомневались в силах пролетариата, не понимали взаимосвязи задач национальной и классовой борьбы.

Обращает на себя внимание позиция Мао Цзэ-дуна в этих условиях. На III съезде КПК он выразил глубокий пессимизм насчет возможности создания в Китае массовой пролетарской партии и ее союза с гоминьданом. В этом сказались, с одной стороны, неверие в историческую миссию пролетариата, с другой — нежелание идти на блок КПК и гоминьдана. Такая постановка вопроса мало чем отличалась как от правооппортунистической позиции Чэнь Ду-сю, перекладывавшего руководство единым фронтом на национальную буржуазию, так и от левосектантской позиции члена ЦК КПК Чжан Го-тао, выступившего против блока рабочего класса с национальной буржуазией. Единственный путь развития китайской революции Мао Цзэ-дун видел тогда в «экспорте революции». По существу, на этом съезде он придерживался центристской линии, сочетавшей правую, пессимистическую оценку возможностей китайского пролетариата в образовании массовой рабочей партии и ее самостоятельной руководящей политической роли с «левой», авантюристической точкой зрения, ставившей развитие китайской революции в зависимость от военной помощи извне. Большинство делегатов III съезда КПК, отвергнув правую, «левую» и центристскую концепции, приняло рекомендацию ИККИ о вступлении китайских коммунистов в

⁹ 12 января 1923 г. Исполком Коминтерна принял решение, в котором рекомендовал координировать действия КПК и гоминьдана («Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». Ч. I. М. 1934, стр. 112).

гоминьдан в индивидуальном порядке при сохранении политической и организационной самостоятельности КПК.

Спустя три недели после окончания съезда Мао Цзэ-дун выступил со статьей «Пекинский переворот и торговцы», посвященной приходу к власти в Северном Китае милитариста Цао Куня. В этой статье говорится о том, что торговцы должны взять на себя выполнение наиболее важных задач революции. «Торговцы, рабочие, крестьяне, студенты и преподаватели, образующие нацию,— писал он,— в одинаковой степени обязаны взять на себя часть революционной работы, но историческая необходимость и текущая действительность указывают на то, что торговцы, в сравнении с другими представителями нации, обязаны взять на себя более неотложную и важную работу в национальной революции»¹⁰.

По существу, успех революции Мао Цзэ-дун ставил в зависимость от степени участия в ней национальной буржуазии. «Чем шире и чем крепче будет сплочение торговцев,— утверждал он,— тем крепче будет руководство национальными силами всей страны, тем скорее революция достигнет успеха»¹¹. Высказанная в статье точка зрения о роли национальной буржуазии в китайской революции полностью совпадала с правооппортунистическими взглядами Чэнь Ду-сю, отрицавшего руководящую роль пролетариата и его партии в революции и признававшего эту роль за национальной буржуазией Китая.

В феврале 1926 г. в журнале «Чжунго нунминь» была опубликована статья Мао Цзэ-дуна «Анализ классов китайского общества», свидетельствующая о его непоследовательности и неумении оценить конкретную обстановку в стране. Так, он относил помещиков к классу буржуазии, преувеличивал удельный вес капитализма, ошибочно рассматривая китайское общество как общество развитого капитализма. Он утверждал, что уже в 1926 г. китайский пролетариат насчитывал в своих рядах 45 млн., полупролетариат — 200 млн. человек¹², заявляя, что «позиция различных классов Китая в отношении национальной революции почти полностью сходна с позицией различных классов капиталистических стран Западной Европы в отношении социальной революции»¹³. Такое отождествление свидетельствовало о том, что Мао Цзэ-дун смыкался в данном случае с троцкистами, которые не видели разницы между революцией в развитых капиталистических странах и революцией в стране колониальной и полуколониальной¹⁴.

В резолюциях Коминтерна по китайскому вопросу неизменно подчеркивалась важность аграрной проблемы, с которой тесно связывалась общая перспектива развития революции в Китае. Но подчеркивая, что победа национально-революционного движения в стране зависит от того, в какой мере китайское крестьянство окажется втянутым в револю-

¹⁰ «Сяндао», 1923, №№ 31—32, стр. 233 (на кит. яз).

¹¹ Там же, стр. 234. В старом Китае термин «шанжэнь» (торговец, купец, коммерсант) зачастую означал и заводчика, фабриканта, банкира. В этом смысле «шанжэнь» — представитель национальной буржуазии.

¹² «Чжунго нунминь», 1926, № 2, стр. 12 (на кит. яз.). Тогда же эта статья вызвала резкую критику со стороны советского историка и экономиста М. Волина. В своей рецензии он писал, что деление Мао Цзэ-дуном китайского общества на классы «является более чем произвольным» и не может «не извратить настоящей природы китайских общественных классов», так как автор рассматривает китайское общество «как общество развитого капиталистического строя» («Кантон», 1926, № 8—9, стр. 151, 159, 160). См. также публикацию и комментарий к ней Л. П. Делюсина: «Вопросы философии», 1969, № 6.

¹³ «Чжунго нунминь», 1926, № 2, стр. 2.

¹⁴ «Грубейшая ошибка троцкистской линии,— отмечалось на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль — август 1927 г.),— состоит в том, что Троцкий и его сторонники (Зиновьев и др.) не понимают основного различия между империалистической страной и страной колониальной, между революцией в империалистической стране и революцией в стране, которая поднимает знамя борьбы против империализма». («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Изд. 7-е, стр. 368).

ционную борьбу, Коминтерн, придерживаясь намеченной В. И. Лениным на II конгрессе Коминтерна генеральной линии коммунистического движения в угнетенных странах, всегда ориентировал китайских коммунистов на то, чтобы решать аграрно-крестьянскую проблему как подчиненную основному стратегическому вопросу революции. Отказ Мао Цзэ-дуна от такой ориентации привел его к антимарксистской трактовке роли крестьянства в китайской революции. В статье «Анализ классов китайского общества» он, игнорируя явления конкретной действительности, призывал партию к такой оценке соотношения и расстановки классовых сил, которая не отвечала задачам буржуазно-демократической революции в Китае.

Спустя год после опубликования этой статьи Мао Цзэ-дун вновь шархнулся, на этот раз вправо, в вопросе, какой класс решает судьбу китайской революции. В марте 1927 г. он опубликовал «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань»¹⁵. Отмечая поворот к аграрной революции, Мао Цзэ-дун сделал в этом докладе вывод, что крестьянство — барометр революции, сила, определяющая ее развитие и контролирующая все революционные партии страны, включая КПК. Он писал: «Нынешний подъем крестьянского движения ставит одну чрезвычайно важную проблему. Пройдет очень немного времени — и во всех провинциях Центрального, Южного и Северного Китая поднимутся сотни миллионов крестьян... Они разорвут все связывающие их пути и устремятся к освобождению. Они выколют могилу всем и всяческим империалистам, милитаристам, чиновникам-казнокрадам и взяточникам, тухао и джентри. Они проверят все революционные партии и группы, всех революционных товарищей с тем, чтобы либо принять, либо отвергнуть их». Характерно, что в обширном докладе Мао Цзэ-дуна не было ни слова о рабочем классе, о его исторической миссии вообще и по отношению к крестьянству в частности. Напротив, в докладе говорилось: «Широкие крестьянские массы поднялись, чтобы выполнить свою историческую миссию», «нужно установить неограниченную власть крестьян...» О ведущей роли крестьянства (деревни) в революции Мао Цзэ-дун писал: «Если принять общие заслуги в деле проведения демократической революции за 100% и воздавать каждому по его заслугам, то на долю городского населения и армии придется только 30%, между тем как революционные заслуги крестьян в деревне составят 70%»¹⁶. Разрывая союз рабочего класса и крестьянства, рассматривая крестьянство как самодовлеющую социальную опору и главную движущую силу китайской революции, почти полностью исключая из революции пролетариат, Мао Цзэ-дун защищал правооппортунистическую концепцию о роли крестьянства в революционном движении Китая.

Абсолютизация роли крестьянства особенно отчетливо проявилась в работе Мао Цзэ-дуна «О новой демократии», опубликованной в январе 1940 года. Констатируя, что исторический ход китайской революции делится на две фазы — демократическую и социалистическую, он половинчато отвечал на вопрос о роли пролетариата на первом этапе: руководство революцией «осуществляется при участии пролетариата или же самим пролетариатом»¹⁷. В этом ответе улавливается принижение роли пролетариата в демократической революции. Что же касается вопроса о власти, то Мао Цзэ-дун в ответе на него полностью перечеркивал

¹⁵ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Харбин 1948, стр. 19—50 (на кит. яз.). Указанное издание — одно из собраний избранных произведений Мао Цзэ-дуна, сохранивших первоначальный текст. Текст же издания, выходящего в Пекине с 1951 г., подвергся правке, маскирующей или смягчающей антимарксистскую интерпретацию некоторых проблем китайской революции в работах, опубликованных до образования КНР.

¹⁶ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, стр. 19—20, 22, 24.

¹⁷ Там же, стр. 236—238.

руководящую роль пролетариата. Он утверждал, что в Китае демократическая республика должна выражать объединенную диктатуру всех революционных классов: пролетариата, крестьянства, интеллигенции и «других слоев мелкой буржуазии». Эти классы,— писал он,— «...неизбежно станут... основными элементами государственной организации и организации власти в китайской демократической республике». Таким образом, пролетариат в данном случае выступает у Мао Цзэ-дуна лишь как элемент объединенной диктатуры, делит власть с другими участниками диктатуры. Но кто же из участников этой объединенной диктатуры будет играть роль главной опоры новой демократии? Мао Цзэ-дун отвечал: крестьянство. «Политический строй новой демократии,— писал он,— есть по сути дела предоставление крестьянству власти. Три новых, подлинно народных принципа¹⁸ — это... принципы крестьянской революции... Сила крестьянства—это основная сила китайской революции»¹⁹.

Эти высказывания свидетельствуют о том, что Мао Цзэ-дун, в сущности, не признавал союза рабочего класса и крестьянства, считал крестьянство главной политической опорой и основной руководящей силой китайской революции, а после ее победы — и государства новой демократии. Рабочему же классу он отводил роль «участника», или «элемента». Разумеется, даже считаясь с фактом политической и организационной слабости китайского пролетариата, было совершенно неправильным ориентировать КПК на то, что только одно крестьянство решает судьбу революции, принижать роль рабочего класса и игнорировать воздействие на китайскую революцию таких факторов, как рост мирового рабочего и коммунистического движения, существование СССР — первой в мире страны социализма.

Может создаться впечатление, что, настойчиво апеллируя к крестьянству, Мао Цзэ-дун выступал в качестве идеолога боевого крестьянского демократизма, защитника интересов крестьянства. Однако это впечатление ложно, ибо существование взглядов Мао Цзэ-дуна на роль и место крестьянства в революции полностью противоречило коренным интересам крестьянства. Разобщая пролетариат и крестьянство, Мао Цзэ-дун обрекал борьбу китайской деревни, под какими бы объективно революционными лозунгами она ни шла, на неизбежное поражение. Да и накопленный к тому времени всемирно-исторический опыт свидетельствовал, что крестьянство без поддержки и политического руководства рабочего класса не в состоянии освободить себя и довести революцию до конца.

Не вдаваясь в выяснение всех социальных корней правооппортунистической концепции Мао Цзэ-дуна, необходимо отметить, что в первую очередь они уходят в идеологию мелкой буржуазии и главного ее представителя — крестьянства²⁰. Однако было бы неправильным рассматривать все крестьянство в качестве базы «идей Мао Цзэ-дуна». Как указывал В. И. Ленин, «среди крестьянства есть трудовое крестьянство и крестьянство мелкобуржуазное, которое живет как мелкий собственник на чужой счет, трудовое же крестьянство эксплуатируется другими, но оно хочет жить на свой собственный счет»²¹. Этой неоднородной социальной природе соответствует и неоднородная политическая идеология крестьянства: объективно трудовое крестьянство тянется к пролетариату, мелкобуржуазное — к эксплуататорским классам. По существу, «идеи Мао Цзэ-дуна» были ориентированы на «крестьянство мелкобур-

¹⁸ Имеются в виду принципы, сформулированные Сунь Ят-сеном в Манифесте I съезда гоминьдана (январь 1924 г.): «национализм», «народовластие» и «народное благоденствие».

¹⁹ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, стр. 244, 258—259.

²⁰ О крестьянстве как главном представителе мелкой буржуазии, см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 297.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 274.

жуазное», паразитируя при этом на революционно-демократических стремлениях трудового крестьянства, которое составляло колоссальное большинство населения Китая. Подъем антифеодальной борьбы, основную тяжесть которой несло трудовое крестьянство, создавал у Мао Цзэ-дуна представление о большой революционной устойчивости, последовательности и политической самостоятельности всего крестьянства в сравнении с малочисленным, терпевшим поражения пролетариатом Китая. Абсолютизация роли крестьянского движения, рассматриваемого в отрыве от его классового содержания и общего хода исторического развития, влекла за собой правооппортунистическую ревизию марксистско-ленинского учения о руководящей и направляющей роли пролетариата и его партии в революции.

После поражения китайской революции 1925—1927 гг. и вынужденного ухода партии из городов в сельские районы, когда армия стала основным орудием, а война с гоминьдановским режимом — главным средством революционной борьбы, эти объективные условия развития китайской революции интерпретировались Мао Цзэ-дуном не только как ее особенности на данном конкретном этапе, но и как непреодолимые категории, образующие теоретическую основу всего революционного движения в Китае. В работе Мао Цзэ-дуна «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.)²² значительно полнее по сравнению с «Докладом об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» было выражено стремление создать «теоретическую основу» китайской революции, включив в нее не только признание решающей роли крестьянства, сельских баз, крестьянской армии, но и революционной войны. Как показали дальнейшие события, все усилия Мао Цзэ-дуна были направлены на то, чтобы отстоять свою правооппортунистическую формулу: крестьянство — главная стратегическая опора, война — главное тактическое средство китайской революции.

После начала китайско-японской войны (1937 г.) Мао Цзэ-дун развивал этот тезис в работах «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» и «О затяжной войне»²³, опубликованных в мае 1938 года. Наиболее обобщенное выражение эта формула получила в докладе и заключительном слове Мао Цзэ-дуна на VI пленуме ЦК КПК 6-го созыва (октябрь — ноябрь 1938 г.)²⁴. Революционная война в Китае, будь то война гражданская или война национальная, говорил он тогда, ведется в особой обстановке и имеет специфический характер. Главная особенность революционной войны в Китае состоит в том, что она развивается сначала в деревне, а затем охватывает и город²⁵, иными словами, стратегическая инициатива китайской революции исходит от крестьянства, а не от пролетариата.

В условиях войны, навязанной Китаю японскими милитаристами, вооруженное сопротивление захватчику было правильным и закономерным средством борьбы. Но в выступлении на VI пленуме ЦК КПК Мао Цзэ-дун, игнорируя опыт мирового революционного движения, возвел войну в абсолютный закон общественного развития: «Центральной задачей революции и высшей ее формой является захват власти вооруженным путем, то есть решение вопроса войной. Этот революционный принцип марксизма-ленинизма верен повсюду; он безусловно верен как для Китая, так и для других государств»²⁶. Рассматривая войны как единственное средство перестройки мира, становясь, по существу, на

²² Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, стр. 585—646.

²³ Там же, стр. 647—675, 677—743.

²⁴ Доклад Мао Цзэ-дуна см. там же, стр. 913—930; часть заключительного слова, не включенного в это издание, см.: Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 2. М. 1953, стр. 369—376, 377—405.

²⁵ Там же, стр. 381—382.

²⁶ Там же, стр. 379.

позиции культа войны, Мао Цзэ-дун категорически утверждал на пленуме: «Каждый коммунист должен усвоить ту истину, что «винтовка рождает власть»... Наш принцип — партия командует винтовкой... с помощью винтовки добывается все... Кто хочет захватить государственную власть и удерживать ее, тот должен иметь мощную армию... Мы сторонники теории всемогущества революционной войны»²⁷. В подтверждение этой мысли Мао Цзэ-дун ссылается не только на опыт КПК, но и на опыт милитаристов, из которых, как он считает, только те обладали реальной силой, кто имел армию и придерживался доктрины — все решать посредством войны. В этом смысле учителем Мао Цзэ-дуна был Чан Кай-ши: «Для борьбы против революции он (Чан Кай-ши.— Е. К.) создал огромную «армию центрального правительства». «Есть армия — есть власть», «война решает все» — эти истины он прочно усвоил. В этом отношении мы должны у него учиться»²⁸.

Но такая постановка вопроса расходится с ленинской трактовкой проблемы войны, мира и революции. Великая Октябрьская социалистическая революция указала путь освобождения трудящихся от эксплуатации и угнетения посредством свержения господства капиталистов и помещиков и подавления их сопротивления. Но большевики не отвергали возможности захвата власти и мирным путем, о чем говорилось, в частности, в работе В. И. Ленина «К лозунгам», написанной в середине июля 1917 года²⁹.

Крестьянство и вооруженная борьба играли существенную роль в китайской революции, и эти два фактора составляли основные черты опыта КПК уже в рассматриваемое время. Но чрезмерное преувеличение роли крестьянства и вооруженной борьбы в китайской революции вело Мао Цзэ-дуна к преувеличению и абсолютизации опыта этой революции, к обоснованию «своего» пути ее развития и как следствие этого — к «китаизации» марксизма, о чем Мао Цзэ-дун впервые открыто заявил на VI пленуме ЦК КПК. «Марксизм,— утверждал Мао Цзэ-дун,— может быть претворен в жизнь только через национальную форму... Конкретный марксизм — это марксизм, который воплощается в национальную форму... Поэтому китаизация марксизма означает, что в каждом своем проявлении она (китаизация.— Е. К.) учитывает особый характер Китая, то есть марксизм применяется исходя из специфики Китая...»³⁰. Это заявление означало, что Мао Цзэ-дун от перечисления элементов «теоретической основы» китайской революции (как это было в его работе «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» — 1936 г.) перешел к обоснованию необходимости «китаизации» марксизма. На VI пленуме ЦК КПК маоистская формула (крестьянство — главная стратегическая опора, война — главное тактическое средство революции) была превращена в главную догму «китаизированного» марксизма. Тем самым ставился знак равенства между применением марксизма с учетом конкретных исторических условий данной страны и «китаизацией» марксизма. Между тем одно дело — призывать к творческому применению марксизма, когда принимаются во внимание национальные особенности той или иной страны и совсем другое — «китаизировать» марксизм. Последнее означало, что марксизм теряет свой интернациональный характер, как только его начинают применять в том или ином регионе: он «воплощается в национальную форму», «китаизируется».

После VI пленума ЦК КПК в работах, относящихся к 1939—1949 гг., Мао Цзэ-дун продолжал развивать эту идею, поскольку для ее обоснова-

²⁷ Там же, стр. 388.

²⁸ Там же, стр. 386.

²⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, Т. 34, стр. 11.

³⁰ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, стр. 928 (на кит. яз.).

ния в первую очередь использовались особенности китайской революции; соответственно и для работ Мао Цзэ-дуна этих лет было характерно подчеркивание тезиса об «особом» характере китайской революции. Фактически отрицая марксизм-ленинизм как единое интернациональное учение, маоисты готовили почву для последующих, националистических и авангардистских притязаний.

Стремясь навязать свои взгляды всей партии, Мао Цзэ-дун организовал так называемое движение за исправление стиля («чженфэн») в КПК, основные идеи которого были изложены в его выступлении «За правильный стиль в работе партии» 1 февраля 1942 г. в Яньане³¹. Маоистская историография пытается сейчас оправдать движение за «исправление стиля», ссылаясь на то, что оно якобы преследовало цель борьбы за чистоту марксизма-ленинизма, против мелкобуржуазной идеологии («непролетарских взглядов»), субъективизма в партийной учебе, сектантства в партийной работе, шаблонных схем в партийной литературе. Факты, однако, свидетельствуют, что главным, определяющим содержанием этого движения была борьба за насаждение в КПК идей Мао Цзэ-дуна в качестве ее идеологии и одновременно расправа со всеми инакомыслящими.

Какие же «непролетарские взгляды» больше всего беспокоили маоистов? Маскируясь лозунгом борьбы с догматизмом, Мао Цзэ-дун, по существу, боролся с интернационалистами в партии. Косвенно это была и борьба против Коминтерна. Стремясь узурпировать власть в партии, он с целью дискредитации интернационалистов пытался обвинить их в догматизме, в слепом проведении линии Коминтерна, без учета конкретных условий Китая, в принадлежности к так называемой третьей, левоуклонистской линии в КПК (январь 1931 — январь 1935 г.). Не входя в подробное рассмотрение этой «линии», отметим, что объективно она выражала противодействие стратегии и национализму Мао Цзэ-дуна, его курсу на крестьянство как на главную и решающую силу революции и противопоставляла этому курсу ориентацию на пролетариат. Хотя эта ориентация порой и приводила к «левой» тактике, в целом она исходила из правильной идеи, выражавшейся в том, что нельзя игнорировать историческую роль рабочего класса даже в таких своеобразных условиях, в каких развивалась революция в Китае. Требование не ослаблять работу в городе означало, что при всей специфике китайской революции, при всей важности аграрно-крестьянского вопроса в Китае стратегический курс партии на пролетариат как на руководящую и направляющую силу революции должен быть сохранен.

Характерно, что в маоистском «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии», принятом 20 апреля 1945 г. VII пленумом ЦК КПК, представители третьей, «левоуклонистской линии» критиковались прежде всего за то, что они противодействовали курсу Мао Цзэ-дуна на одну лишь крестьянскую революцию, на подчинение работы в городе работе в деревне. Из «Решения» следует, что резкое возражение Мао Цзэ-дуна вызвала, в частности, оценка «левыми» линии, которую они рассматривали как проявление «специфически-крестьянской революционности», «крестьянского капитализма» и «кулацкой линии». Характеризуя левые и правые ошибки как проявление догматизма, Мао Цзэ-дун призывал в ходе движения за исправление стиля «разбить догматизм с его субъективностью и однобокостью».

Что же рекомендовал он в качестве основного оружия в борьбе с догматизмом? По его мнению, таким оружием должно быть создание «своей специфической теории», применительно к нуждам Китая. «Если мы только познакомились с классиками,— говорил он,— но не изучили на основе их трудов исторический опыт и революционную практику Ки-

³¹ Там же, стр. 939—954.

тая и не создали своей специфической теории, отвечающей практическим потребностям Китая, то безрассудно было бы называть себя марксистскими теоретиками»³². Следовательно, движение за исправление стиля, призванное искоренить в партии чуждую идеологию и утвердить пролетарскую идеологию, было в действительности ориентировано на создание «своей специфической теории», или, по существу, повторяло националистическую теорию «китаизированного» марксизма, которую Мао Цзэ-дун провозгласил на VI пленуме ЦК КПК. Борьба против субъективизма в партийной учебе, сектанства в партийной работе и формализма («шаблонных схем») в литературе, составлявшая внешнюю оболочку идеологической кампании за исправление стиля в работе КПК, являла собой попытку маоистского руководства партии под флагом борьбы за творческий марксизм-ленинизм, против догматизма как главной опасности, заменить марксистско-ленинскую теорию «идеями Мао Цзэ-дуна». Дискуссии и обсуждения на собраниях, а также индивидуальные собеседования в период движения за исправление стиля фактически преследовали цель воспитать партийные кадры в духе маоизма.

В течение года, прошедшего после выступления Мао Цзэ-дуна 1 февраля 1942 г., движение за исправление стиля охватило более 30 тыс. кадровых работников КПК³³, причем многие из них были признаны «далекими от марксизма», от «идей Мао Цзэ-дуна» и исключены из партии. Так в ходе движения за исправление стиля укреплялись позиции Мао Цзэ-дуна, готовилась почва для последовавшей в 1943—1944 гг. новой кампании, связанной с переоценкой некоторых вопросов истории КПК. Вся история партии должна была рассматриваться теперь в свете «китаизированного» марксизма, под углом зрения деятельности одного Мао Цзэ-дуна. Ставилась задача узаконить его культ и объявить его идеи в качестве основополагающих для КПК³⁴. Это означало практически попытку ликвидировать компартию как марксистско-ленинский авангард рабочего класса, навязав ей в качестве теоретической основы ревизионистские и националистические взгляды Мао Цзэ-дуна.

Мао Цзэ-дуну удалось добиться на VII съезде КПК (апрель — июнь 1945 г.) официального принятия своих «идей». В утвержденном VII съездом Уставе КПК, в кратком введении — «Основные положения программы» — было записано: «Коммунистическая партия во всей своей работе руководствуется идеями, представляющими соединение теории марксизма-ленинизма с практикой китайской революции — идеями Мао Цзэ-дуна»³⁵. Такая формулировка приравнивала эти «идеи» к марксизму-ленинизму и была беспрецедентной акцией в истории мирового коммунистического движения.

5—13 марта 1949 г. в деревне Сибайпо, уезда Пиншань, провинции Хэбэй, состоялся II пленум ЦК КПК 7-го созыва. Пленум собрался в обстановке перевеса национально-освободительных сил над силами китайской контрреволюции и ее союзника — США. В создании этого перевеса решающим фактором явилось освобождение советскими войсками Северо-Восточного Китая. С помощью Советской Армии этот район был превращен в мощный экономический и политический плацдарм для наступления китайской Народно-освободительной армии. В результате к 1949 г. перед КПК и ее вооруженными силами открылась реальная

³² Там же, стр. 941—942.

³³ R. C. North. *Moscow and Chinese Communists*. Stanford. 1958, p. 197.

³⁴ Такое решение, фальсифицирующее историю китайской революции и отводящее Мао Цзэ-дуну решающую роль в ней, было принято на VII пленуме ЦК КПК 20 апреля 1945 г. («Решение по некоторым вопросам истории нашей партии». Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4. М. 1953, стр. 321—405).

³⁵ «Устав Коммунистической партии Китая». Принят на VII съезде КПК 11 июня 1945 г. Пекин. 1950, стр. 1—2 (на кит. яз.).

перспектива полного разгрома противника и установления народно-демократического строя в национальном масштабе. В этой связи партия нуждалась в новой стратегической и тактической линии, соответствующей условиям победы революции и последующим политическим и экономическим задачам. На победу какой революции и на какую политическую и экономическую организацию китайского общества ориентировал Мао Цзэ-дун партию в своем докладе на этом пленуме? На словах он призывал к победе народно-демократической революции и созданию народной республики, однако вкладывал в эту ориентацию такое классовое содержание, которое расходилось с ленинской трактовкой. В. И. Ленин, говоря о классовом содержании «действительно народной» революции, подчеркивал, что она «могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство». Он указывал, что без союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса «непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование»³⁶.

Хотя в докладе на пленуме Мао Цзэ-дун неоднократно говорил о роли пролетариата, заявляя, что «теперь (март 1949 г.— Е. К.) начался период руководства деревней со стороны города», и призывал «устанавливать тесную смычку между рабочими и крестьянами» и даже укреплять «гегемонию пролетариата в государственной власти»³⁷, в понимании роли и места пролетариата и крестьянства, союза рабочих и крестьян в народной революции и в условиях народно-демократического строя он оставался на тех же мелкобуржуазных позициях, которые защищал в работе «О новой демократии» (январь 1940 г.). В том же докладе Мао Цзэ-дун провозгласил демократическую диктатуру народа как форму политической организации общества («новодемократического общества»). Утверждая, что такая диктатура находится под руководством пролетариата и основана на союзе рабочих и крестьян, Мао Цзэ-дун, однако, свел на нет руководящую роль рабочего класса и союз рабочих и крестьян, наделив руководящей ролью все «основные силы этой диктатуры — весь рабочий класс, все крестьянство и широкие массы революционной интеллигенции»³⁸. Поделив руководящую роль пролетариата между основными силами демократической диктатуры народа, Мао Цзэ-дун свел на нет и авангардную роль партии, считая главной ее функцией осуществление политики длительного сотрудничества основных сил демократической диктатуры народа с городской мелкой буржуазией и национальной буржуазией, рассматривая при этом «большинство демократических деятелей, находящихся вне рядов нашей партии, как свои кадры...»³⁹. Формой такого сотрудничества он считал коалиционное правительство из представителей не только демократических партий, но и части «лиц из нанкинского правительства» (то есть правительства Чан Кай-ши). Характерно, что в докладе на II пленуме ЦК КПК 7-го созыва Мао Цзэ-дун вообще не упомянул о диктатуре пролетариата и ее основной функции — строительстве социализма. Он ограничился лишь туманным заявлением о необходимости «постепенно превратить Китай из аграрной страны в индустриальную и построить великое социалистическое государство»⁴⁰. Конечно, предстоящая политическая победа китайской революции не могла сразу же привести к социалистическому перевороту в крайне отсталой экономике Китая. Но из этого отнюдь не вытекало, что КПК накануне этой победы должна уклониться от ответа на вопрос, по какому пути экономического развития пойдет Китай после создания народной республики. Исходя

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 40.

³⁷ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин. 1964, стр. 442, 449 (на русск. яз.).

³⁸ Там же, стр. 454 (на кит. яз.).

³⁹ Там же, стр. 455.

⁴⁰ Там же, стр. 454—455.

из своей концепции политической организации «новодемократического общества» и подчеркивая, что оно не адекватно социалистическому, Мао Цзэ-дун предложил на пленуме экономическую политику в духе суньятсеновских лозунгов: «Сдерживание капитализма в стране и контроль над внешней торговлей — таковы две основные политические установки... государства в экономической борьбе»⁴¹.

Основным орудием построения отодвигаемого на неопределенное будущее «социалистического государства» Мао Цзэ-дун считал армию. Не веря в творческие силы союза рабочего класса и крестьянства, он дал бонапартистскую установку: в строительстве нового Китая опираться всецело на армию. На пленуме Мао Цзэ-дун заявил, что Народно-освободительная армия «всегда была и будет боевым отрядом. Даже после победы во всей стране она будет оставаться боевым отрядом в течение целого исторического периода»⁴². Развивая идею военно-бюрократического режима, Мао Цзэ-дун подчеркивал, что армия должна быть основным поставщиком кадров. «Мы,— заявил он — должны рассматривать полевые армии... как гигантскую школу кадров». Тогда же Мао Цзэ-дун дал установку и на военизацию КПК. В заключительном слове, говоря о стиле работы партийных кадров, он настаивал на том, что «секретарь партийного комитета должен уметь быть «командиром отделения». Партийный комитет, состоящий из 10—20 человек, напоминает отделение в армии, а секретарь — «командира отделения»⁴³. Знаменательно и то, что установку на военизацию государственного аппарата и партии Мао Цзэ-дун обосновывал наличием длительного периода классовой борьбы после победы революции и поэтому рассматривал военизацию как первоочередную задачу КПК.

Следовательно, Мао Цзэ-дун ориентировал КПК не на победу народной революции, обеспечивающей утверждение власти рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса и открывающей перспективу строительства социализма, а на победу буржуазно-демократической революции, обеспечивающей приход к власти более или менее широкой буржуазно-демократической коалиции, в которой, по существу, растворилась руководящая и направляющая роль рабочего класса и его партии. Толкая КПК на этот путь, Мао Цзэ-дун тем самым продемонстрировал не только неумение конкретно-исторически оценить и учесть благоприятные для народной революции международные факторы (победа Советского Союза во второй мировой войне, образование народно-демократических государств в Европе и Азии, подъем национально-освободительного движения), но и неверие в силы партии и народа, в их способность повести Китай к социализму. Как известно, объективная революционная ситуация, сложившаяся в Китае под влиянием благоприятных внутренних и внешних факторов, вопреки «идеям Мао Цзэ-дуна» привела в октябре 1949 г. к победе антиимпериалистической и антифеодальной народной, а не буржуазно-демократической, или «новодемократической», революции.

Вынужденный считаться с фактом победы народной революции и объективно неодолимым поворотом трудящихся Китая к социализму, к дружбе и сотрудничеству с СССР и мировой социалистической системой, паразитируя на этом повороте, Мао Цзэ-дун сохранил, однако, все черты непролетарского, мелкобуржуазного идеолога, ловко маскирующегося революционной фразой. В первые годы существования КНР открытое проявление этого истинного его нутра в известной мере сдерживалось вызванным победой революции морально-политическим подъемом народа, марксистско-ленинскими силами партии, активной по-

⁴¹ Там же, стр. 450.

⁴² Там же, стр. 441—442.

⁴³ Там же, стр. 442, 459.

мощью Китая со стороны СССР и мировой социалистической системы. Состоявшийся осенью 1956 г. VIII съезд КПК наметил план социалистического строительства в КНР. В новом Уставе КПК, принятом съездом, уже отсутствовала формулировка, что партия руководствуется «идеями Мао Цзэ-дуна». Интернационалистические силы в партии призвали всех китайских коммунистов ориентироваться на учение Маркса — Ленина. Тем самым объективно был нанесен удар по «идеям Мао Цзэ-дуна».

Однако Мао Цзэ-дун, спекулируя на трудностях роста народного государства, сначала исподволь, а затем и открыто начал борьбу против решений VIII съезда КПК. В 1958 г. он навязал стране политику «большого скачка». Принизая направляющую роль рабочего класса и его партии в строительстве социализма, Мао Цзэ-дун объявил сельскую «народную коммуну — столбовой дорогой к социализму». Однако курс на деревню как на главную, решающую силу социалистического строительства оказался несостоятельным. Прикрывая полный провал «скачка» и пытаясь поднять авторитет «идей Мао Цзэ-дуна», его сторонники развернули пропаганду тезиса о непреходящем значении «учения Мао». В ход были снова пущены концепции о решающей роли крестьянства и войны в переустройстве общества. Специфика китайской революции с новой силой начала возводиться в абсолют и навязываться национально-освободительному движению. Еще до провала «скачка» маоистская историография утверждала, что «победа китайской революции дала рабочему классу и широкому народным массам колоний и полуколоний, в первую очередь рабочему классу и широкому народным массам стран Азии, образец победы освободительной войны»⁴⁴. Перемещение центра революции из города в деревню, окружение городов сельскими революционными базами и захват городов — эта линия развития китайской революции, утверждали маоистские историки, «может стать основным путем завоевания свободы народами других колониальных и полуколониальных стран со сходными условиями»⁴⁵. Революционным силам Азии, Африки и Латинской Америки маоисты пытались навязать стратегию опоры только на крестьянство и тактику одной лишь вооруженной борьбы. В этой связи в 1965 г. в китайской печати была поднята тенденциозная шумиха вокруг работы Мао Цзэ-дуна «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (1938 г.). Газета «Жэньминь жибао» утверждала, что «идеи Мао Цзэ-дуна о народной войне имеют важное практическое значение для национально-освободительной борьбы в Азии, Африке и Латинской Америке»⁴⁶.

Коренной порок маоистской методологии в подходе к опыту китайской революции состоит в искажении марксистско-ленинского учения о ходе исторического процесса, о взаимосвязи общего и национально-особенного в истории общества. Игнорируя общее и выдвигая на первый план особенное, маоисты подменяют первое вторым, пытаются придать специфический характер общей закономерности. Так, Лю Чжэнь-юй писал, что, поскольку К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин сформулировали лишь «общие законы истории» и не предусмотрели «новые проблемы и новые обстоятельства» китайской революции, в свете ее опыта не следует считаться с общими закономерностями и даже можно их пересмотреть⁴⁷. Такой пересмотр, по существу, означает националистский призыв к абсолютизации и догматизации опыта КПК, к ревизии марксистско-ленинского учения об исторической миссии пролетариата, к

⁴⁴ «Конспекты лекций по истории КПК». (Б. м.). 1956, стр. 346 (на кит. яз.).

⁴⁵ Ван Ши, Ван Цяо, Ма Ци-бин, Чжан Линь. Краткая история КПК. Шанхай. 1958, стр. 114—115 (на кит. яз.); см. также «Лекции по истории китайской революции» (под ред. Ху Хуа). Пекин. 1959, стр. 403 (на кит. яз.).

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 20. VIII. 1965.

⁴⁷ «Лиши яньцзю», 1960, № 5, стр. 2.

признанию вооруженной борьбы единственной движущей силой общественного развития, к подмене основных марксистско-ленинских принципов «идеями Мао Цзэ-дуна».

Нынешняя политическая обстановка в Китае окончательно раскрыла стремление маоистов вытравить из сознания трудящихся масс марксистско-ленинское учение. IX съезд КПК (апрель 1969 г.), приравняв снова «идеи Мао Цзэ-дуна» к марксизму-ленинизму, подтвердил, что «марксизм-ленинизм — маоцзэдуновские идеи» являются теоретической основой деятельности партии. Маоисты пытаются заменить научный коммунизм реакционно-утопическим и военно-казарменным «социализмом», диктатуру пролетариата — мелкобуржуазной военно-бюрократической диктатурой, утвердить режим личной власти и культ Мао Цзэ-дуна. С этой целью распушены профсоюзы, комсомол; в ревкомах, насаждаемых вместо конституционных органов власти, по существу, нет рабочих; вместо авангарда китайского рабочего класса — КПК создается «партия Мао Цзэ-дуна». Проявлением националистической линии маоистов во внешней политике является их великодержавно-шовинистическая раскольническая деятельность, направленная на подрыв единства мирового коммунистического и рабочего движения, на противопоставление национально-освободительного движения международному коммунистическому и рабочему движению, на подмену известного положения марксизма-ленинизма об исторической миссии пролетариата мелкобуржуазной теорией окружения «мирового города» «мировой деревней». Воинствующий антисоветизм возведен в ранг официальной политики правительства КНР. Пущенная ныне маоистами в ход теория «двух сверхдержав» подтвердила полный отказ нынешнего китайского руководства от классово-оценки явлений международной жизни.

Таков закономерный итог развития взглядов Мао Цзэ-дуна, не имеющих ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Как мелкобуржуазное идейно-политическое течение, стремящееся заменить марксизм-ленинизм социал-шовинизмом и социал-милитаризмом, маоизм глубоко враждебен интересам трудового народа Китая, мировой системы социализма и всемирного революционного процесса и поэтому встречает все нарастающее противодействие со стороны всех сил, борющихся за мир, демократию и социализм.
